

ШЛЕПАНЦЫ ПРОТИВ НАФТАЛИНА

ГЕНРИЕТТА
МОРАИТИ

**ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БЕВЕРЛИ БЕЙБИ
В ЛОГОВЕ ГРЕЧЕСКОЙ СВЕКРОВИ**

Генриетта Мораити

**Шлёпанцы против нафталина,
или приключения Беверли Бейби
в логове греческой свекрови**

«Автор»

2026

Мораити Г.

Шлёпанцы против нафталина, или приключения Беверли Бейби в логове греческой свекрови / Г. Мораити — «Автор», 2026

Отпуск с Греческим Мужем? Прекрасно. Пока в комплекте не идет его мама — «Лабубу». Славянка Беверли ждала тихой романтики среди оливковых рощ, но попала на бытовую войну. Теперь в ее расписании: окопные бои со свекровью за кондиционер, штурм бюрократии и забастовки албанской помощницы с ядерной хлоркой. А по соседству пес Гермес поет арии под церковные колокола. Но когда в Коринф заявляется высокомерная веганка на шпильках, Беверли приходится заключить союз с заклятой свекровью и местным аферистом. Их цель — безумная спецоперация по сватовству. «Коринфские хроники» — сочный полуавтобиографический ситком о том, как выжить в чужой стране, сохранить свои нервы и полюбить этот абсурдный мир.

Содержание

Глава 1. Первый контакт, или Крик коринфского утра.	5
Глава 2. Коринфский квест, или Славянский штурм греческой бюрократии.	9
Глава 3. Спецоперация «Сарай», или в поисках пляжного клада.	11
Глава 4. Квест в национальном банке или Цербер на семи евро.	14
Глава 5. Мясной экспресс «Харлей-83».	17
Глава 6. Хлорный апокалипсис, или куда делся доспех байкера.	20
«Глава 7. Колокольный дуэт, или Вой на пелопонесское небо».	22
Глава 8. Спецоперация «Benelli», или Шлёпанцы против карабинёров.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Генриетта Мораити

Шлёпанцы против нафталина, или приключения Беверли Бейби в логове греческой свекрови

Глава 1. Первый контакт, или Крик коринфского утра.

Жаркое пелопоннесское солнце ещё только собиралось с мыслями, а мы с моим Греческим Львом держали стратегический курс на Коринф. Наша пара давно обосновалась в куда более спокойных широтах, но призраки нерешённых дел цепко держали за подол и требовали личного присутствия в Элладе. К тому же в планах значился пункт особой важности — навестить и впервые познакомить меня со свекровью.

Мужа я прозвала Львом за его редкое, почти исчезающее в наши дни благородство духа. Сам он окрестил меня Беверли-бейби — за пробивной характер, абсолютную внутреннюю

автономию и врождённое умение мгновенно решать любые проблемы. Что же касается свекрови, то своё звучное имя Лабубу она получила далеко не сразу. Это озарение снизошло на меня лишь тогда, когда я осознала: бесконечные жалобы на здоровье, погоду и бойлер исходят из старушки днями напролет в формате непрекращающегося, монотонного «Бу-Бу».

Итак, ничего не подозревая, в дорожном костюме, но уже в шлёпанцах и с открытым сердцем я переступила порог уютного греческого дворика. В дверях показалась приятного вида старушка. Но не успела я изобразить на лице международную улыбку вежливости, как благообразная леди вдруг включила сирену противовоздушной обороны. Размахивая руками с частотой крыльев коринфской цикады, она принялась неистово метать в пространство громкие греческие тирады.

Мой разум мгновенно выдал сигнал экстренной эвакуации. Я была готова тотчас бежать тушить пожар, выносить ценности, спасать котёнка из огня и вообще объявлять тотальную мобилизацию Пелопоннеса. С выражением крайнего удивления я повернулась к своему невозмутимому Льву:

— Что случилось?! Где горит?!

Муж мягко улыбнулся и спокойно пояснил, что никто не умер, а Коринф не берут в осаду пираты. Это была всего лишь стандартная, будничная манера греческой мамы сообщать миру, что у неё всё в порядке и она искренне рада видеть дорогих гостей.

Едва обретя дар речи от шока и пережив первый натиск гостеприимства, оглушенная я прошла в предложенную нам комнату. Разложив вещи и слегка перекусив, наконец-то добралась до подушки, наивно полагая, что лимит потрясений на эти сутки исчерпан. О, как я заблуждалась! Я ещё не была знакома со священным расписанием коринфского застоя. А оно гласило: утро создано не для сна, а для лабубуг — так мы впоследствии прозвали весь этот дружный парламент местных ворчливых кумушек и подруг свекрови.

И вот, наша сладкая парочка видит самый нежный, седьмой сон, укрывшись благословенной тишиной рассвета. Как вдруг эту хрупкую утреннюю умиротворённость безжалостно разносит в щепки громовой крик:

— Калимера!!!

Спасайся кто может! Потоп! Землетрясение! Цунами! От шока меня буквально сдуло с кровати, и я едва не заняла оборонительную позицию на полу. Но нет, коринфский фронт был спокоен. Это была всего лишь родная сестра Лабубу, которая прибыла на утреннее кофепитие чуть раньше обычного. И, совершенно не обременяя свою греческую душу мыслями о том, что в доме кто-то может спать, она просто поздоровалась со свитой в привычной, артиллерийской манере этой прекрасной страны.

Впрочем, я быстро пришла в себя. Смыв с себя остатки вчерашней усталости, я только собралась подойти к плите, чтобы сварить кофе для нас со Львом, как прямо на моем пути с реактивной для её возраста скоростью выросла хозяйка дома. По всему её виду было понятно: пускать врага на свою кухонную территорию, даже ради двух чашек напитка, она не намерена.

Отобрав у меня джезvu, с видом совершения великого древнего жертвоприношения Лабубу самолично принялась варить кофе, создавая впечатление, что перед ней стоит задача чрезвычайной государственной важности. Я заинтересованно наблюдала со стороны и даже начала тихонько улыбаться такому ревностному отношению старушки к своим кухонным владениям.

Через пару минут на кухне появился мой Лев. В ту же секунду я оказалась в эпицентре внезапно включившегося «Радио Бу-Бу». Даже плохо понимая греческий язык, я без труда уловила суть: во все стороны мощным потоком разливался бубнящий, тягучий негатив о соседях, тяжёлой жизни, неблагодарной родне и мировой политике. По абсолютному, каменному благодарству и невозмутимости Греческого Льва я поняла: для него подобное поведение матери является давней нормой. Он лишь бросил извиняющийся взгляд на меня и молча пожал плечами.

«Ну нет, — весело подумала Беверли-бейби, — нас таким потоком токсичности не возмёшь!»

В этот миг я окончательно осознала, что предстоящий месяц дел в Коринфе обещает быть чрезвычайно «весёлым».

Глава 2. Коринфский квест, или Славянский штурм греческой бюрократии.

Жаркое пелопоннесское солнце ещё только собиралось с мыслями, а мы с Греческим Львом уже держали стратегический курс в местную чиновничью обитель. Следующим сокрушительным ударом по моей славянской, приученной к чёткости и порядку душе стал шок от греческой бюрократии.

Ранним утром, вооружившись блеклым и затертым листком, который слабо напоминал документ, мы направились в департамент вроде нашего МРЭО. Главная цель заключалась в легализации прав на наш второй мотоцикл, который за ненадобностью мы намеревались продать. Однако стоило переступить порог, как стало ясно: коринфский квест только начинается.

Изучив принесённую бумагу, чиновники сочувственно вздохнули и отправили нас в долгое путешествие за следующей справкой. При этом они милостиво посоветовали не мучиться, а обратиться в специальное агентство, которое быстро и всего за двести евро решит все проблемы. Но не такая была Беверли-бейби, чтобы добровольно спонсировать местных бюрократов. Шиш вам! Мы и сами всё оформим.

И мы отправились в первый пункт, помеченный крестиком в нашем длинном списке. Это был обычный унылый департамент. В огромном, абсолютно пустом и тихом здании со скучающим видом сидела замученная зноем охранница. Она монотонно объяснила Льву, что для решения вопроса необходимо предварительно записаться на приём по телефону. Муж покорно взял листок с номером и уже развернулся, чтобы уйти, но наткнулся на мой непреклонный взгляд. Я поинтересовалась, почему мы не можем решить вопрос прямо сейчас, ведь других посетителей в холле не наблюдалось. Охранница лишь отрезала: «Так положено», и снова погрузилась в анабиоз.

Тогда я шепнула мужу: «Не отходи от кассы, набирай указанный номер прямо здесь». И — о, чудо! Избалованная ленивым солнцем бюрократическая машина дала мгновенный сбой под напором нашего натиска. Когда на том конце трубки лениво поинтересовались, на какой день удобно назначить визит, Греческий Лев, поймав мою волну, уверенно заявил: — Прямо на...сейчас. Я уже стою в вашем холле. И раз уж у вас нет ни одного клиента, может, вы выпишете мне талон на текущую минуту?

От такой невиданной наглости оператор явно поперхнулся. Столкнувшись с подобным штурмом впервые в карьере, невидимый бюрократ растерянно дал добро. И через пять минут первая заветная бумажка была в руках нашей банды. В прекрасном расположении духа, оседлав свой брутальный байк с черепами, мы покатали к следующему пункту назначения... в суд.

Миновав заставленные шкафами и заваленные папками коридоры, мы нашли нужный кабинет. Вид здешней канцелярии поверг мой славянский менталитет в легкий ступор. «А если я прямо сейчас прихвачу пару папок, кто-нибудь вообще заметит?» — промелькнуло с весёлым огоньком у меня в голове. Мысленно отругав себя за такие крамольно-хулиганские мысли, я послушно проследовала за мужем.

За столом со стеклянными от жары глазами сидел клерк, лениво настукивая что-то на компьютере. Оторвав взгляд — судя по всему, от пасьянса «Косынка», прости Господи, — он заторможенно выслушал Льва и выдал: — Приходите завтра. Завтра напечатаю.

Но мой муж, уже раскусивший принцип работы местной бюрократической среды, выдал фразу, погрузившую бедолагу в состояние полуступора: — А может, прямо сейчас? — И, подмигнув, заглянул в экран монитора: — Вы же, кажется, не заняты.

От такого шока госслужащий молча, на автомате напечатал документ, шлёпнул печать и, всё ещё держа рот открытым от удивления собственной скорости, протянул бумагу Льву. «Невероятно! Две бумаги за одно утро!» — читалось в оливковых, полных изумления глазах моего мужа. Он повернулся ко мне с искренним восхищением и признался, что в здешних реалиях на подобный подвиг обычно уходит минимум неделя.

Воодушевлённые оглушительной победой над системой, мы на радостях рванули в следующее окошко, которое — о, удача! — находилось в том же здании. Однако здесь наш напор оказался бессилён. Воздействовать силой логики на глухую дверь, запертую в 12 часов дня из-за наступившего священного полуденного зноя, было абсолютно бесполезно. Сиеста — это святое.

Но мы ни капли не расстроились. С чувством выполненного долга мы оплатили в местной бухгалтерии необходимую пошлину, чтобы не терять времени завтра, и, очень довольные собой, двинулись в сторону дома. Наш мотоцикл лихо летел по коринфским улицам, а я победоносно улыбалась.

Тогда Беверли-бейби ещё совершенно не понимала, в какую абсурдную историю она вляпалась на самом деле. Она наивно думала, что ленивые чиновники — это самое сложное препятствие в Греции. Она ещё не знала, что впереди её ждет возвращение в логово, где «Радио Бу-Бу» уже готовило свой сокрушительный нафталиновый ответ на все наши юридические триумфы.

Глава 3. Спецоперация «Сарай», или в поисках пляжного клада.

Жаркое пелопоннесское солнце висело над Коринфом, как раскалённая сковорода, и мы со Львом приняли единственно верное решение: немедленно эвакуироваться на пляж. Машина была готова к броску к морю Посейдонии. Казалось бы, план был безупречен в своей простоте. Мы слаженно, как международный шпионский дуэт, грузили в багажник полотенца, кремы и сумку-холодильник. Воздух был пропитан предвкушением прохладной воды и умиротворения.

Но... Лабубу не дремала.

В самый разгар нашей слаженной погрузки, шлёпая тапочками, из дверей выдвинулась наша скорбная дама коринфского застоя. Пятилетний добровольный траур и седая голова не могли помешать главному — её непреодолимому желанию тотально контролировать нашу пару.

Сборы Генералиссимуса начались с великим пафосом. Первым делом Лабубу устроила проверку тёмного сарая, где в клубах столетней пыли самолично намеревалась откопать древнюю пляжную мебель и купальник эпохи первых Олимпийских игр. С максимально торже-

ственным, почти сакральным видом она повела нас к главной сокровищнице своего дома. Перед нами предстал крепкий деревянный склад, запертый на огромный, покрытый вековой ржавчиной висячий замок, который в прошлых веках, видимо, даже исправно работал.

И вот чудо свершилось. Скрежешущий металлический монстр сдался, и старая дверь со зловещим скрипом наконец-то отворилась. Признаться, в эту секунду мне казалось, что из глубин гробницы вот-вот раздадутся торжественные звуки фанфар, как в фильмах про Индиану Джонса. Но вместо голливудской музыки коринфский воздух разорвало мощное, оглушительное старушкино: «А-А-Апчхи!!!».

От этого залпа содрогнулся весь дом. Залежи многолетней пыли, веками копившиеся в темноте, плотными клубами вырвались на свободу, устроив мгновенную дымовую завесу. Наш пляжный поход начался с абсолютного акустического и пылевого триумфа.

Когда пыль немного осела, и наше семейство во главе с бабулей наконец-то перестала неистово чихать, мы принялись осматриваться в этой истлевшей сокровищнице. Правда, моё личное археологическое исследование закончилось, толком не начавшись. Видите ли, у меня есть одна маленькая слабость: я до леденящего ужаса боюсь пауков. Стоило мне поднять глаза и обнаружить мохнатых восьминогих стражей, свисающих плотными гроздьями отовсюду, как меня буквально сдуло ветром из этого нафталинового склада. Мужественный Лев остался один на один с бесстрашной мамой штурмовать фамильные закрома.

Но разве могла любопытная Беверли-бейби покорно стоять в стороне, пропустив показ старушкиных раритетов? Конечно нет! Я быстро нашла стратегическую точку возле грозящей развалиться от старости двери — в безопасной дали от пауков — и стала с огромным интересом наблюдать за детективной драмой, разворачивающейся внутри.

Сначала энергичная Лабубу одним неловким движением зацепила и развалила пирамиду из старых, потрёпанных табуретов, сложенных в углу по подобию египетской гробницы. Это заставило большую часть пауков спешно эвакуироваться во все стороны. Затем откуда-то из нового пыльного облака на свет божий начали появляться потрясающие артефакты: доисторический остов того, что некогда было детским велосипедом, шлем для мотоцикла, подозрительно напоминавший трофейную немецкую каску, что-то отдаленно похожее на шерстяной купальник прошлых веков, истлевший зонтик и... о, слава греческим богам! На самом дне этой исторической свалки обнаружили заветные складные стульчики. Абсолютно целые и почти невредимые.

А тем временем на пляжной террасе развернулся ритуал помазания. Солнцезащитный крем наносился на лицо и плечи свекрови с таким торжеством, словно Лабубу гримировалась для главной роли в античной трагедии. Белый слой лёг плотной, несмываемой маской, превратив её в грозного вождя коринфского племени. Закончив процедуру, Лабубу одним величественным жестом отодвинула меня от пассажирской двери и гордо водрузила своё величество на переднее сиденье. Миссия «Тихий пляж для двоих» была окончательно переведена в статус «Семейная экспедиция».

Дорога к морю превратилась в суровое испытание для нервной системы моего Греческого Льва. Лабубу, восседая впереди, как штурман дальнего плавания, щедро раздавала указания монотонным голосом «Радио Бу-Бу». Каждый поворот, который выбирал муж, подвергался жесткой критике. В итоге мы колесили по побережью добрых сорок минут, разыскивая тот самый, одобренный высшим руководством пляж «получше». Лев, скрежеща зубами от сдерживаемого вздоха, крутил руль, а я с заднего сиденья ловила его взгляд в зеркале, полный сочувственного понимания.

Наконец, идеальная бухта была найдена, машина припаркована, а стульчики расставлены у самой кромки воды. Мы с мужем, сбросив шлёпанцы, счастливые побежали в освежающие волны. Обернувшись, я обнаружила, что Лабубу не просто сидит на берегу — она заняла наблюдательный пост. Восседая в белой маске из крема, она с невероятно гордым, прокурор-

ским видом наблюдала за нашей плавающей парой, словно оценивала синхронность наших гребков на международных соревнованиях. В её глазах горела непреклонная решимость контролировать нас даже на глубине, поэтому вскоре, сняв чёрные одежды, она решительно зашла в воду вслед за нами.

Но тут система Лабубу выдала критическую ошибку. Выяснилось, что Генералиссимус совершенно не умеет плавать. Буквально на первой же коринфской волне Лабубу потеряла равновесие и с коротким, но ёмким бульканьем ушла под воду. Спасательная операция в лице нашего тандема заняла ровно три секунды. Муж бережно подхватил маму под мышки и вернул в вертикальное положение. Лабубу, судорожно кашляя, знатно хлебнула солёной водички Посейдонии.

Любая другая восьмидесятилетняя женщина после такого фиаско ушла бы в глубокую депрессию, но только не наш коринфский титан. Сжав губы и не издав ни единого звука, чтобы сохранить лицо при плохой игре, Лабубу с максимально гордым, непостижимо царственным видом прошествовала обратно к своему креслу. Она восседала в нём, как Нефертити на троне, полностью игнорируя подмоченную шляпку и разводы белого крема.

Через пару мгновений, чтобы окончательно закрепить статус Хозяйки Побережья, Лабубу принялась с глубокомысленным и важным видом собирать вокруг себя мелкие морские камушки, складывая их в аккуратную пирамидку. На её лице было написано: «Всё идет по плану, водные процедуры завершены, я перехожу к геологической разведке». Мы со Львом, давясь от грозящего вырваться наружу хохота прямо в воде, поняли, что этот раунд остался за нами. Наплававшись вволю, счастливые Беверли-бейби и Греческий Лев загрузили мокрую, но по-прежнему гордую Лабубу обратно на переднее сиденье и под рок-баллады улетели домой в закат. Миссия была успешно выполнена.

Глава 4. Квест в национальном банке или Цербер на семи евро.

На следующее утро, посвежевшие после вчерашнего купания, мы с мужем должны были решить пару очередных вопросов нашего бесконечного мотоциклетного квеста. Вскочить пришлось пораньше — исключительно для того, чтобы разминуться во времени с традиционной ежедневной сессией дворового парламента. Только так мы могли гарантировать себе ароматный греческий кофе и хрустящие тосты в тишине. В итоге мы с наслаждением ловили эти недолгие минуты благословенного покоя без «Радио Бу-Бу» и детально разрабатывали план боевых действий по добыче следующего документа.

Первым пунктом значилась онлайн-оплата очередной пошлыны. Закатав рукава и даже не подозревая, что на это простейшее дело в Элладе может уйти весь день, мой Лев с улыбкой «сейчас мы всё решим» достал из кармана телефон. Но не тут-то было! Банковское приложение упорно отказывалось пускать мужа в личный кабинет, словно защищая счет от покушения, пусть даже и на несчастные семь евро.

Как вы понимаете, у проницательной Беверли-бейби сразу закрались смутные сомнения. Но Греческий Лев был по-прежнему исполнен решительности:

— Не переживай, сейчас всё сделаем!

Однако прошло полчаса, сорок минут, час... Банк, словно Цербер, стерегущий врата ада, упорно охранял свои богатства от законного владельца.

— Ничего, сейчас звоним в службу поддержки! — Лев всё ещё не терял надежды.

В отличие от меня. Я шла уже на второй час ожидания и сидела у самой двери, полностью готовая к выходу, лишь нервно покачивая шлёпанцем на ножке.

Служба греческой поддержки оказалась «на высоте». Они внимательно выслушали проблему и принялись давать мужу чёткие инструкции по взлому его же собственного аккаунта. Раз, два, три, двадцать, сорок... Но электронная страница и не думала сдаваться, она цепко удерживала своими виртуальными лапками наши семь евро. Покачивание моего шлёпанца становилось всё яростнее, амплитуда качания росла в геометрической прогрессии. Мой Греческий Лев уже и сам начинал глухо порыкивать в трубку.

— Сейчас, сейчас, минутку... — обречённо неслось с той стороны провода.

И вот, спустя целый час, служащий на том конце глубоко вздохнул и скорбным голосом констатировал: ничем больше помочь не может, придётся нам лично ехать в отделение и разбираться на месте.

Прекрасно понимая, что скоро наступит священная сиеста и банк закроет свои двери намертво — дабы сонное чиновничье братство, упаси бог, не расплавилось от жары и переутомления, — мы оседлали наш мотоцикл с черепами и поспешили к воротам в царство Аида.

Само здание впечатляло, а система контроля — тем более. Пройдя сквозь двойную защитную шлюзовую систему пропуска, доселе невиданную мной в этих широтах, наша банда очутилась посреди огромного, гулкого и полупустого холла. После недолгих выяснений у первого окошка предсказуемо оказалось, что помочь нам внизу никто не может и, судя по томным взглядам, не собирается даже и пробовать.

Но мой Греческий Лев, уже окончательно усвоивший чёткий славянский алгоритм «вижу цель — не вижу препятствий», решительно направился напрямик на второй этаж, где вальяжно располагались консультанты для VIP-клиентов. Муж излучал такую непоколебимую уверенность, что охранник возле лестницы даже не посмел открыть рот, чтобы остановить его.

Наверху мы обнаружили кабинет, где в гордом одиночестве скучала бизнес-консультант. Лев зашёл внутрь и, не дав дамочке времени опомниться или возразить, что семь евро — это не её масштаб, по-хозяйски устроился в кожаном кресле. Всем видом он дал понять: мы не уйдём отсюда, пока задача не будет решена. Видимо, прочитав этот приговор в его взгляде, сотрудница банка мгновенно что-то откопала в недрах компьютера и покорно выдала нам распечатку с инструкцией по входу в систему.

Светящийся от счастья муж вышел в холл и уверенно направился к выходу. Но, как вы понимаете, наученная горьким опытом Беверли-бейби не дремала.

— Ты куда? — остановила я его у самой двери.

— Домой! — искренне изумился Лев.

— Ну нет. Я отсюда не двинусь, пока мы лично не убедимся, что код с этой бумаги работает.

И наша парочка демонстративно уселась на кожаном диване посреди огромного холла под растерянным и очень бдительным взглядом охранника. Мы ввели все данные с заветного листочка в телефон... и... ничего! Система снова выдала ошибку.

Со звуком, удивительно напоминающим рычание настоящего, оскорблённого в лучших чувствах льва, муж рванул по лестнице обратно на второй этаж. Я благоразумно осталась на безопасном расстоянии в холле. Из кабинета VIP-консультанта донеслось раскатистое рычание — то ли на львином, то ли на чистом греческом.

Примерно через минуту Лев триумфально спустился обратно. На листке красовался новый, размашисто написанный от руки код. Мы тут же ввели его в систему смартфона. И —

вуаля! Всего каких-то пять часов спустя после первой утренней попытки мы успешно заплатили греческую пошлину в размере семи евро!

Но так как на Коринф уже официально опустилась традиционная сиеста, и дальнейшее решение нашего квеста откладывалось до завтра по техническим и температурным причинам, мы — дико уставшие, но абсолютно довольные своей победой над банковской системой — отправились обратно в липкое логово Лабубу.

Глава 5. Мясной экспресс «Харлей-83».

Знойное коринфское утро плавилось, как сыр на тосте. На террасе звенел местный парламент. Почтенная Лабубу заканчивала свой священный утренний ритуал — кофепитие с подругами-лабубугами. Оттуда доносился монотонный, глухой гул, напоминающий работу старого

дизеля. Это вещало «Радио Бу-Бу». Кумушки увлечённо обменивались мировыми сводками о коварстве невесток, ценах на бойлеры и превратностях судьбы.

В самом доме в этот момент царил хрупкий, благословенный покой. Наступил тот редкий и короткий период тишины, когда «Радио» наконец-то выключили из розетки. Мы с мужем смаковали прекрасный греческий кофе с хрустящими тостами. Воздух был пропитан умиротворением, мир казался стабильным и надёжным.

Ровно до той секунды, пока Лабубу не попрощалась со своей свитой. И тут в её седую голову резко, как удар молнии, прилетела мысль, и она громогласно, с непередаваемой гордостью объявила на весь дом своё решение:

— Сегодня на обед будет мясо!

Если Лабубу принимала решение, его реализация начиналась незамедлительно, а степень важности приравнивалась к объявлению военного положения. Время останавливалось. Все жители, гости и даже случайные прохожие в радиусе километра автоматически превращались в шестерёнки её (в данном случае мясного) механизма.

Проглотив мгновенно испорченный кофе и остатки утреннего настроения, Греческий Лев со вздохом посмотрел на меня. Я ответила ему лёгкой улыбкой и выразительно закатила глаза. Мы оба понимали: отговорить бабулю или поехать (упаси боже!) без неё не получится. Утро было безнадежно отравлено именно этим осознанием: хрупкая идиллия только что была разбита в щепки грядущим ураганом, а мирный субботний покой превратился в боевой вылет.

Итак, решено! Едем за добычей... Но тут возникла небольшая проблема. Наша машина со вчерашнего дня была в ремонте. Любого нормального человека отсутствие автомобиля и сорокаградусная жара заставили бы перенести этот поход. Но только не решительно настроенную Лабубу.

— Нет машины? Поедем на мотоцикле! — постановила она. — Вы же ездите вдвоем!

Тот факт, что она была как минимум в два раза старше меня и явно не подходила под категорию байкеров, Лабубу в расчет не принимала. Мотоцикл есть? Место сзади есть? Мясо ждёт!

Я открыла рот так стремительно, что послышался подозрительно громкий хруст. Как?! Старая женщина, соблюдающая строжайший пятилетний траур по всем канонам греческих традиций, собирается оседлать brutальный байк?! Траур в Греции — это святое: чёрные одежды и скорбная изоляция. И тут наша почтенная дама коринфского застоя решает с ветерком промчаться по улицам, развеивая траурные юбки на глазах у изумлённых соседей!

В следующий миг на меня напал безудержный приступ веселья и любопытства: как же всё-таки бабуля поедет? Это было чертовски интересно. Я заняла удобную позицию на кухне с таким расчётом, чтобы видеть всё происходящее во дворе, но при этом сохранить абсолютно серьёзное лицо и не вызвать очередной взрыв негатива.

А во дворе действительно разворачивался первый акт Марлезонского балета.

Мой brutальный Греческий Лев выкатил своего ревущего монстра — бело-черный «Харлей», украшенный суровыми металлическими черепами. Лабубу истово крестилась от ужаса при виде этого исчадия ада, но цель была слишком близка. Бабуля принялась натягивать второй шлем, который до безумия напоминал немецкую каску. Мне становилось все веселее, но я мужественно держала лицо, не выдавая ни единой эмоции. Наконец, Лабубу закрепила каску и вдруг вприпрыжку выскочила из ворот двора вслед за ревущим мотоциклом!

Чтобы видеть продолжение этого представления, мне пришлось срочно переместиться на улицу, притворившись, будто я просто вышла закрыть калитку.

За воротами разыгралась финальная драма. Попробовав оседлать стального монстра сначала справа, а затем слева, старушка была вынуждена сдаться. Высота сиденья и законы физики оказались сильнее упрямства. Пришлось признать, что запрыгнуть на байк в это утро ей не судьба. Лабубу скорбно сняла шлем и пошлёпала домой, отпустив сына одного.

И, надо же! Вопреки всем мрачным прогнозам, Лев привез первоклассную говядину, а не кость. Обед был спасён, а коринфский фронт снова погрузился в тишину.

Глава 6. Хлорный апокалипсис, или куда делся доспех байкера.

Однажды мы с мужем вернулись после очередной поездки на нашем знаменитом мотоцикле с черепами, нагруженные покупками, и обнаружили, что зайти в дом физически невозможно. Из глубин домашнего пространства подозрительно сильно разило хлоркой, а плиточный пол сиял так, словно его готовили к приёму хирургической бригады. На террасе, демонстрируя крайнюю степень изнеможения и картинно баюкая обожжённую химикатами руку, восседала Лабубу. Нам пришлось минут десять просто сидеть во дворе и ждать вместе с ней, пока пол соизволит высохнуть, а едкий запах перестанет разъедать глаза.

Как человек со здравым смыслом, я наивно полагала, что генеральная уборка предполагает разгребание и утилизацию старого хлама. А его в доме было несметное количество: пять или шесть комодов и два забитых до отказа шкафа, не считая сараев на участке. Но нет. Ни одна тряпочка в этих фамильных закромах не пострадала. Это был чистый хлорный апокалипсис по-гречески: залить всё химикатами до состояния выжженной пустыни, но бережно сохранить вековые залежи нафталина.

Кое-как придя в себя и постаравшись избавиться от лёгких галлюцинаций, навеянных коринфской хлоркой, мы со Львом решили, что лучшим противоядием от химической атаки станет спорт на свежем воздухе. Для этого нашему шпионскому дуэту требовался высокотехнологичный снаряд — специальная доска для пуш-апа, снабжённая двумя съёмными рычагами.

Однако, заглянув в закрома, мой муж обнаружил, что геометрия этого мира безвозвратно нарушена. Рычаг остался один. Второй был заботливо убран в параллельное измерение, а говоря проще — безжалостно выброшен на свалку истории. Логика Лабубу, как всегда, ставила в тупик лучшие умы правоохранительных органов: почему нужно было утилизировать именно половину спортивного инвентаря, обрекая оставшуюся деталь на вечное и бессмысленное одиночество, оставалось великой тайной коринфского застоя.

Но это было лишь вступление к настоящему триллеру. Впечатлённый первой потерей, Греческий Лев бросился на поиски других артефактов своего бытия. В ходе беглого обыска выяснилось, что его верная машинка для стрижки волос тоже приказала долго жить, растворившись в неизвестном направлении. Но финальным аккордом этой зачистки, пробившим брешь в мужском самообладании, стало исчезновение куртки для мотоцикла — дорогой, кожаной, пахнувшей бензином и дорожной романтикой.

В то время как шкафы Лабубу ломались от непонятных, истлевших тряпок, имеющих ценность разве что для археологов будущего, вещи Льва были подвергнуты строжайшей материнской сортировке и ликвидированы. Кожаный доспех байкера, пахнувший свободой, парикмахерский инструмент и несчастная деталь от доски для пуш-апа канули в небытие.

Самое прекрасное, что эти сокровища так никогда и не вернулись к своему законному владельцу. Миссия по стерилизации пространства была выполнена с чисто греческим размахом: дом сиял, хлорка разъедала стены, а Греческий Лев остался без куртки, без стрижки и со смутным подозрением, что следующим на очереди в мусорный бак может стать он сам.

Мой супруг стоял посреди этого хлорного великолепия, скрежеща зубами так, что звук заглушал поющих за окном птиц. Он молчал, но его царственная грива буквально стояла дыбом, а внутреннее давление явно приближалось к критической отметке, угрожая настоящим львиным инсультом.

Понимая, что в эту секунду наш дружный дуэт находится на грани тектонического взрыва, я мягко перехватила инициативу. Беверли-бейби нежно обняла своего разгневанного Льва со спины, заземляя его бушующую энергию, и тихо увлекла в безопасную зону кухни, подальше от сияющего кафеля.

Пока Лев молча переваривал масштаб материнской диверсии, я уже уверенно шуршала джезвой, заваривая ему крепкий, густой кофе. Аромат свежего напитка медленно вытеснял из дома остатки едкой химии, возвращая миру привычные очертания. Нафталиновый застой снова проиграл шлёпанцам, а над коринфской террасой наконец-то воцарился долгожданный мир.

«Глава 7. Колокольный дуэт, или Вой на пелопонесское небо».

Каждую субботу в семь вечера и по воскресеньям в семь утра наша утренняя и вечерняя умиротворённость подвергалась суровому акустическому испытанию. Ровно в тот момент, когда над Коринфом разносился первый удар церковного колокола, на сцену выходил главный солист побережья — соседский пёс. Наша банда позже выяснила, что пса зовут романтическим именем Гермес, но в нашем доме он числился просто как Оперный Баритон.

Этот пёс обладал абсолютным музыкальным слухом и тонкой душевной организацией. Колокол бил — собака затягивала свою протяжную, полную глубокой тоски арию. Концерт был настолько слаженным, что мы с мужем неизменно сползали с кровати, но ни капли не сердились. Сквозь сон мы с предвкушением ждали этот еженедельный перформанс, а когда он начинался, хохотали как бешеные — до колик и крупных шпионских слёз. Отсмеявшись вволю под колокольный дуэт, мы с чувством выполненного долга проваливались обратно в сон, пока Лабубу из своего угла неодобительно вещала очередные сводки «Радио Бу-Бу».

Но Беверли-бейби и её Льва было уже не остановить. Вирус вокального искусства поразил нашу банду намертво.

С тех пор, как мы лично сходили к соседям и познакомились с этим замечательным певцом, наш ежевечерний ритуал претерпел серьёзные изменения. Теперь каждый раз, когда наш знаменитый мотоцикл, сурово покрытый металлическими черепами, пролетал в сумерках мимо местной церкви, мы устраивали сеанс связи с космосом. На полной скорости, закладывая лихой вираж на грозном двухколёсном монстре, мы дружно задирали головы к пелопоннесскому небу и выдавали в два голоса сочное, раскатистое:

— АУ-у-у-у-у!!!

Мы выли во всю мощь лёгких, тщетно копируя нашего вокального наставника Гермеса. Эхо летело над Коринфом, распугивая летучих мышей и заставляя креститься случайных прохожих. Мотоцикл улетал в закат, а мы снова почти задыхались от смеха под рёв мотора и рок-баллады. И я с чувством глубокого удовлетворения ловила момент: мы возвращались в липкое пространство Лабубу, но её нафталин в такие вечера не имел над нами никакой власти.

Глава 8. Спецоперация «Benelli», или Шлёпанцы против карабинёров.

В тот знойный пелопоннесский полдень, когда даже цикады в Коринфе молили о пощаде, Греческий Лев и его очаровательная Беверли-бейби приняли историческое решение: легально избавиться от дорогого итальянского ружья Benelli, оставшегося от былых времён. В Греции, как известно, нельзя просто так взять и продать огнестрельное оружие — для этого требуется высочайшее благословение местной полиции.

Первый разведывательный рейд в участок на мотоцикле показал: суровые стражи порядка отказываются верить бумагам на слово и требуют предъявить сам предмет сделки лицом, а точнее — стволом. С этого момента наша история превратилась в настоящий экшен в стиле классического итальянского вестерна.

Дома обнаружилась небольшая проблема: Benelli наотрез отказалось помещаться в штатную коробку. Из картонного нутра хищно и угрожающе торчал солидный кусок воронёной стали. Но нас это, как вы понимаете, не могло остановить. Перемотав грозящую вот-вот развалиться конструкцию подручными средствами в виде куска скотча и бечёвки, мы вынесли

трофей во двор. Везти это сокровище вертикально перед водителем скутера означало гарантированно потерять его на первой же коринфской кочке.

Пока Греческий Лев нервно жонглировал коробкой, в игру вступила Беверли-бейби. Я прекрасно понимала, что муж в одиночку не доведёт груз. Кто-то должен был сидеть позади Льва и намертво удерживать эту злосчастную конструкцию. Понимая, что устав дорожного движения строго требует наличия шлемов у обоих наездников, а второго нормального головного убора под рукой не оказалось, я раскопала в закромах раритет. Это была та самая каска, подозрительно напоминающая трофейный немецкий шлем прошлого века, который наша старушка когда-то нашла в своей пыльной сокровищнице.

Посадка на наш двухколесный транспорт напоминала сложную военную операцию. Мне пришлось уместиться позади своего Льва и крепко обхватить его за талию, пока муж нервно командовал:

— Бейби, держи! Держи эту коробку крепче!

В этот момент перед моим мысленным взором во всей красе нарисовалась вся абсурдность нашего положения. Картина была эпическая: я сижу в каске и тёмных очках, мёртвой хваткой сжимая перед носом супруга разваливающийся картон. А из него хищно целится в коринфское небо воронёное дуло, которое я бережно удерживаю руками с ярко-алым, безупречным маникюром и сверкающими золотыми кольцами.

И вот занавес открывается. По раскалённым улицам Коринфа на скутере несётся международный шпионский дуэт. За рулём — невозмутимый Греческий Лев, на заднем сиденье — Беверли-бейби в умопомрачительном летнем наряде: шорты, шлёпанцы и знаменитая каска, из-под которой победоносным султаном развевается конский хвост. Где-то на середине пути, уворачиваясь от ошалелых взглядов греческих водителей, я окончательно осознала всю гротескность нашего предприятия. На весь Коринф грянул такой оглушительный, раскатистый хохот, что прохожие начали испуганно оглядываться. Муж начал хохотать вместе со мной и, содрогаясь от смеха и утирая слёзы, сквозь дорожный шум выдал шедевральную идею:

— Слушай, а давай сейчас подкатим к патрульным на перекрёстке и вежливо спросим, где здесь ближайший банк?

Кое-как удержавшись на скутере и умудрившись не уронить ружьё, наш отряд долетел до полицейского участка в самом центре города. Двухколёсный транспорт был лихо водружён на тротуар в единственное тенистое место — прямо под окна дежурной части, что, разумеется, было абсолютно запрещено правилами. Но мы с самым невозмутимым видом вступили на пешеходную зону. Муж гордо подхватил коробку, и наш шпионский отряд с высоко поднятыми головами прошествовал прямо мимо онемевшего часового у двери. В психологии это называется «эффектом абсолютной наглости»: если ты несёшь дробовик в каске и шлёпанцах с лицом человека, идущего за свежим багетом, ни один полицейский в мире не посмеет тебя остановить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.